

ВОДВОРЕНІЕ РУССКОЙ ВЛАСТИ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ.

(Статья первая.)

Въ большинствѣ случаевъ подробности каждаго дѣла начинаютъ горячо интересоваться и тщательно разбираться лишь тогда, когда дѣло кончилось или близко къ желаемому окончанію. Справедливость этой мысли, между прочимъ, подтвердилась въ исторіи нашихъ азіатскихъ приобретений. Движеніе и водвореніе наше въ странѣ этой продолжается около трехсотъ лѣтъ сряду, а между тѣмъ ни покореніе всей Сибири, ни занятіе Киргизъ-Кайсацкихъ степей, ни приобретение наше на устьяхъ Сыръ-Дарьи далеко не возбуждали такого интереса, какъ недавнее занятіе Туркѣстанскаго края. Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что не малая доля такого участія къ нашему водворенію въ странахъ Средней Азіи обуславливается въ значительной степени развившимся у насъ въ послѣднее время общественнымъ мнѣніемъ, начавшимъ горячо относиться вообще ко всѣмъ вопросамъ государственной политики; но несомнѣнно также и то, что интересъ къ средне-азіатскому вопросу сильно возбуждается именно возможностью близкаго его окончанія. И однакожь въ то самое время, когда горсть нашихъ войскъ, рядомъ блистательныхъ побѣдъ и безпримѣрныхъ трудовъ и лишеній, готова покончить съ неурядицей и варварствомъ средне-азіатскихъ ханствъ и проложить тамъ прочныя и безопасныя пути для водворенія гражданственности, общество наше имѣетъ весьма смутное понятіе о краѣ, которому, въ силу исторической необходимости, суждено въ близкомъ будущемъ войти въ границы русскаго царства и стать обширнымъ и прибыльнымъ рынкомъ для нашей торговли.

Винить за это кого-либо едва-ли можно. Въ послѣдніе годы движеніе наше въ Средней Азійи совершалось такъ быстро и такъ неожиданно, что не было возможности опредѣлить гдѣ мы остановимся и что будетъ границей нашихъ среднеазійскихъ владѣній. Эта-то неопредѣленность главнымъ образомъ служила доселѣ препятствіемъ для составленія чего-либо полнаго и цѣльнаго о вновь приобретенномъ намъ краѣ. Между тѣмъ теперь, когда мы дошли до такихъ естественныхъ границъ, какъ сибѣровыя горы Тянь-Шана и когда о вновь занятомъ краѣ въ послѣднее время появилось въ нашей литературѣ достаточное число отдѣльныхъ монографій, можно, кажется, не рискуя впасть въ грубыя ошибки, попробовать представить возможно-полный очеркъ нашихъ среднеазійскихъ владѣній. Такой очеркъ, по нашему мнѣнію, въ особенности необходимъ для военныхъ читателей: имъ принадлежитъ честь приобретения этого края; они, пока, главные здѣсь дѣятели, да вѣроятно и останутся такими долгое еще время; наконецъ, до тѣхъ поръ, пока вадется въ краѣ война, необходимо знать какъ и съ кѣмъ она вадется.

Все это побудило насъ составить настоящую статью, въ надеждѣ, что она будетъ не бесполезна для читателей „Военнаго Сборника“. Считаемъ необходимымъ присовокупить, что статья наша не болѣе какъ свѣжая, систематическая компиляція изъ нѣсколькихъ сочиненій, появившихся въ послѣднее время въ нашей литературѣ (*). Даже такая компиляція, по нашему мнѣнію, будетъ полезна уже тѣмъ, что дастъ возможность, такъ-сказать, ориентироваться при чтеніи различныхъ статей о вновь занятомъ краѣ, появленіе которыхъ становится все чаще и чаще и, вѣроятно, современемъ, еще болѣе усилится. Въ своемъ мѣстѣ нами будутъ приведены ссылки на тѣ источники, изъ которыхъ мы черпали свѣдѣнія для нашей статьи; здѣсь же замѣтимъ, что, кромѣ сочиненій, упомянутыхъ выше, мы руководствовались еще лекціями „о Средней Азійи“, читанными въ нынѣшнемъ году въ Николаевской академіи генеральнаго штаба профессоромъ Максимевымъ.

Относительно книги г. Романовскаго замѣтимъ, что сочине-

(*) Упомянемъ изъ нихъ главнѣйшія: „Замѣтки по средне-азійскому вопросу“. Соч. Д. И. Романовскаго (съ картою) 1868 г.; „Осада Ура-Тюпе и Джизака“, воспоминанія объ осенней экспедиціи въ 1866 году. Соч. г. Зинovieва („Русскій Вѣстникъ“ 1868 г., №№ 3 и 4) и другія.

ніе это заключаетъ въ себѣ несомнѣнный интересъ уже тѣмъ, что написано лицомъ, близко стоявшимъ у дѣла. Г. Романовскій около восьми мѣсяцевъ былъ туркестанскимъ военнымъ губернаторомъ и имѣлъ случай коротко познакомиться съ положеніемъ дѣлъ въ краѣ. Высказавъ съ полною откровенностью свой взглядъ на среднеазиатскій вопросъ, г. Романовскій, кромѣ того, пополнилъ свою книгу весьма интересными приложеніями, состоящими изъ реляцій, вѣдомостей и пр., начиная съ 1860 по 1867 г.

Если трудъ г. Романовскаго безспорно представляетъ оцізціальный интересъ, то статья г. Зиневьева заслуживаетъ полнаго вниманія, какъ необыкновенно живой разсказъ о будничной, ежедневной жизни нашихъ туркестанскихъ войскъ. До снхъ поръ, это, пона, единственная въ своемъ родѣ статья. По крайней мѣрѣ, намъ, кромѣ реляцій, ничего не случалось читать о дѣшнихъ сраженіяхъ и осадахъ городовъ. Намъ остается только желать, чтобы такихъ статей, какъ г. Зиневьева, являлись побольше и тогда изученіе новаго края даже издали будетъ болѣе легкимъ и до крайности интереснымъ дѣломъ.

Несмотря на то, что движеніе русскихъ на востокъ составляетъ одну изъ характерическихъ и важныхъ сторонъ нашей исторіи, и что, начавшись давно, оно продолжается и по настоящее время, общество наше мало знакомо съ нимъ и еще не уяснило себѣ ни побудительныхъ причинъ, ни цѣли, ни дальнѣйшей будущности этого движенія.

По этому поводу, профессоръ Макшеевъ, въ своихъ лекціяхъ о Средней Азій, старается пронести мысль, что движеніе это прямо вытекаетъ изъ тѣхъ географическихъ и этнографическихъ условий, въ которыхъ находится наше государство. Каждый народъ, говоритъ онъ, прежде всего зависитъ отъ занимаемой имъ территоріи: такъ, народы, поселившіеся въ горахъ, сложились вообще въ небольшія государства; напротивъ, населеніе равнинныхъ странъ стремится къ образованію обширныхъ государствъ, съ болѣе или менѣе опредѣленными естественными границами. Такое стремленіе замѣчается и въ русскомъ народѣ, съ самаго начала его исторіи. Постепенно, шагъ за шагомъ, мы приближались или въ такимъ естественнымъ границамъ, какъ море и

рому, или въ государствѣхъ прежде насъ открытымъ и сложившимся въ известныя территориальныя границы. Безостановочный просторъ такому движенію русскаго народа въ особенности открывался на нашихъ восточныхъ предѣлахъ. Ни естественныхъ преградъ, ни сильныхъ государствъ здѣсь не было, а глушь и приволье дѣйственныхъ лѣсовъ и безграничныхъ степей издавна уже манили сюда всякаго, кому по чему бы то ни было плохо жилось у себя дома. И вотъ какъ только было покончено съ монгольскимъ игомъ, потянули сюда сперва воляные люди новгородскія, потомъ Ерманы съ донскими удалцами, наконецъ впоследствии хлынула сюда цѣлая масса простонародья, недолюмаемая закрѣпощеніемъ или различными новыми порядками на Руси.

Всѣ эти переселенцы, весь этотъ бѣжавшій русскій людъ не встрѣтилъ почти никакого сопротивленія со стороны туземныхъ жителей нашихъ восточныхъ странъ. Мягкость, уживчивость и чисто-демократическій складъ русскаго характера скорѣе возбуждали въ переселенцамъ симпатію, чѣмъ нерасположеніе. Взаимное довѣріе восстанавливалось быстро и мы навсегда оставались въ разъ занятомъ нами краѣ. Благодаря такимъ этнографическимъ особенностямъ, а также своему превосходству надъ ивородцами въ культурномъ и религіозномъ отношеніяхъ, русскіе успѣваютъ не только мирно уживаться съ коренными жителями востока, но постепенно подчиняютъ ихъ своему нравственному вліянію.

Итакъ, по замѣчанію г. Макушева, условія географическія и этнографическія были существенными и главными причинами нашего движенія въ Азію. Между тѣмъ, зная, что большая часть завоеваній европейскіхъ государствъ въ другихъ частяхъ свѣта были сдѣланы въ силу экономическихъ или политическихъ побужденій, мы напрасно стали бы искать тѣхъ же причинъ въ нашемъ движеніи на востокъ. Ни то, ни другое сначала вовсе не входило въ наши виды. Занимая Сибирь, мы, конечно менѣе всего думали о неисчерпаемыхъ богатствахъ ея рудниковъ, послужившихъ впоследствии громаднѣйшей отраслью нашей горной промышленности. Не было также у насъ и опредѣленныхъ политическихъ цѣлей при движеніи нашемъ на востокъ.

Можно сказать безъ преувеличенія, что движеніе это совершилось чисто по инициативѣ самого народа: правительству

осталось только идти за ними и своей властью упрочивать за Россією то, что занималось почти случайно, безъ особыхъ тратъ и усилій съ его стороны.

Какъ бы то ни было, постепенное занятіе земель Азій даетъ намъ весьма выгодное положеніе.

Теперь совершенно въ нашей власти упрочить навсегда и наши восточныя границы, и наши торговые пути, ведущіе въ глубь Азій, въ страны, обещающія для нашей торговли нечислимыя выгоды, быть можетъ, въ весьма близкомъ будущемъ. Съ другой стороны, приближаясь къ первостепеннымъ азіатскимъ государствамъ, мы непосредственно становимся проводниками и руководителями европейской цивилизаціи и политики на востокъ, что также во многихъ отношеніяхъ для насъ весьма важно и знаменательно.

Такимъ образомъ движеніе русскихъ на востокъ, начавшись въ силу географическихъ и этнографическихъ побужденій, привело насъ къ чисто-политическимъ и экономическимъ результатамъ.

Обращаясь къ исторіи нашего движенія на востокъ, его можно раздѣлить на слѣдующіе три періода: 1) занятіе линій по рѣкамъ Уралу и Иртышу, 2) занятіе Киргизь-Кайсацкихъ степей и 3) сношенія наши съ средне-азіатскими ханствами и занятіе Туркестанской области.

Для современнаго знакомства читателя съ послѣдними событіями въ туркестанскомъ краѣ, изъ этихъ трехъ періодовъ важнѣе всѣхъ послѣдній, и потому мы имъ по преимуществу и займемся. О первыхъ двухъ будемъ говорить только тогда, когда того потребуетъ связь разсказа.

I.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О КРАѢ.

О Средней Азій, съ той поры какъ мы стали быстро подвигаться къ ней, толкуютъ много; но вообще извѣстія объ этой страдѣ крайне скудны и потому самыя сужденія о ней во многомъ неосновательны.

Вообще, подъ именемъ Средней Азій разумѣютъ ханства: Хивинское, Бухарское и Коканское, и земли лежачія, въ верховьяхъ Аму-Дарьи; но для насъ важно собственно изученіе трехъ названныхъ нами ханствъ и вновь приобрѣтенныхъ зе-

мель Туркестанской области, недавно еще составлявшей часть коканскихъ владѣній.

Владѣнія названныхъ ханствъ занимаютъ часть обширной страны, известной въ научномъ отношеніи подъ именемъ Арало-Каспійской низменности. Характеристическими чертами этой низменности служатъ почти сплошныя песчанныя степи, идущія отъ рѣки Урала, отъ Каспійскаго и Аральскаго морей на востокъ до озера Балхаша и отроговъ Небесныхъ горъ, и на югъ до горъ, лежащихъ на сѣверной границѣ Персія. Среди этихъ степей, болѣею частью безводныхъ и бесплодныхъ, протекаютъ двѣ главнѣйшія рѣки: Аму и Сыръ-Дарья, впадающія въ Аральское море. По берегамъ ихъ и ихъ притоковъ залегаютъ оазисы въ высшей степени плодородныхъ земель, которые уже въ глубокой древности были густо заселены и привлекали сюда своими богатствами различныхъ завоевателей. Такъ, по разсказамъ греческихъ историковъ, сперва Киръ, царь персидскій, а потомъ Александръ Македонскій, доходили съ своими войсками не только до береговъ Аму, но и до Сыръ-Дарьи. Память объ этихъ нашествіяхъ и до сихъ поръ еще сохраняется въ народныхъ преданіяхъ и въ названіяхъ развалинъ городовъ Кирополя, Александрии и проч. Впрочемъ, хотя греки и послѣ смерти Александра Македонскаго владѣли еще здѣшнимъ краемъ болѣе двухъ столѣтій, но повидимому не успѣли утвердиться въ немъ. По крайней мѣрѣ мы видимъ, что край вскорѣ былъ занятъ сперва скивами, потомъ китайцами и затѣмъ, въ VIII вѣкѣ, арабами, которые связали здѣшнее населеніе страны магометанской религіей и внесли сюда сѣмена восточной образованности. Арабское владычество длилось здѣсь до тѣхъ поръ, пока, въ XIII вѣкѣ, страна не подпала подъ власть монголовъ при Чингисханѣ. Хотя, по смерти этого завоевателя, монархія его раздѣлилась и нынѣшнія средне-азіятскія владѣнія составляли не болѣе какъ Чингатіевскій улусъ, но въ концѣ XIV столѣтія, одному изъ потомковъ Чингиса, Тимуру, удалось снова соединить въ одно разрозненныя части чингисова царства и образовать великую монархію: ея средоточіемъ была нынѣшняя Бухарія съ столицею Самаркандомъ, которую Тимуръ сдѣлалъ центромъ учености и просвѣщенія всего Востока. Рядъ междоусобій и неурядиць, начавшихся вскорѣ послѣ смерти Тимура, привели къ тому, что въ началѣ XVI вѣка одно

изъ тюркскихъ племенъ, зашедшихъ сюда еще съ полчищами Чингиса, именно узбеки. завладѣли Бухарой, изгнавъ оттуда правнука Тимурова, Батура. Съ этого времени узбеки продолжаютъ владѣть средне-азиатскими ханствами и по настоящее время. Съ водвореніемъ узбековъ, образование въ странѣ начало видимо падать и лишь уцѣлѣвшіе развалины значительныхъ городовъ свидѣтельствуютъ о прежнемъ процвѣтаніи края.

Такимъ образомъ описываемую нами страну послѣдовательно владѣли персы, греки, скиѣы, арабы и монголы. Само собою, что это должно было отразиться какъ на этнографическомъ составѣ здѣшняго населенія, такъ и на образѣ его жизни и занятій.

Но прежде чѣмъ группировать жителей по ихъ народностямъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о географическихъ особенностяхъ страны, ибо данныя эти, какъ извѣстно, болѣе всего имѣютъ вліяніе на образъ жизни и занятія мѣстнаго населенія.

II.

ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О КРАѢ.

Пространство земли, лежащее къ востоку и югу отъ Урала, Иртыша и Каспійскаго моря, на протяженіи тысячъ верстъ съ одной стороны до границъ Персіи, а съ другой до верховій Сыра и Аму-Дарьи, разстилается необозримою равниною, въ весьма немногихъ только мѣстахъ перерѣзанною незначительными хребтами и рѣчками; на остальномъ же, несравненно большемъ пространствѣ, пустынно, безводно и мѣстами покрыто песками на сотни верстъ. Только юго-восточная и южная окраины обширнаго равниннаго пространства, куда проникаютъ отроги ограничивающихъ его съ востока и юга Тянь-Шана и Гинду-Куша, представляютъ всѣ условія, необходимыя для осѣдой жизни. На этихъ окраинахъ, особенно вблизи Тянь-Шана, въ верховьяхъ рѣкъ Или, Чу, Сыръ-Дарьи и другихъ являются мѣстности живописныя и богато надѣленныя природою. Таковы окрестности Алматы (Вѣрваго), Ташкента, Ходжента и другихъ. Всѣ онѣ весьма замѣчательны плодородіемъ почвы, роскошною растительностію и минеральными богатствами. Но и здѣсь такія мѣстности отдѣляются одна отъ другой, иногда на значительныя разстоянія, или безводными степями, или горами безъ всякой растительно-

сти. Чѣмъ далѣе къ западу и сѣверу отъ Тянь-Шана и Гинду-Куша, тѣмъ плодородные оазисы встрѣчаются рѣже. Даже долины двухъ главныхъ рѣкъ края, Сыра и Аму-Дарьи, удобны для заселенія лишь на недалеое разстояніе отъ своихъ береговъ, въ низовьяхъ Сыръ-Дарьи не далѣе 5, 10 и много 15 верстъ. Все остальное пространство, какъ заключающееся между персидскою границею, Каспійскимъ и Аральскимъ морями, такъ и къ сѣверу отъ Сыръ-Дарьи—наши киргизскія степи—годны лишь для кочевковъ. Если здѣсь кое-гдѣ и встрѣчаются мѣста, возможныя для заселенія, то осѣдность можетъ утвердиться на нихъ только послѣ большихъ жертвъ и многихъ трудовъ. Большая часть степей, лежащихъ даже на значительной широтѣ, отличается весьма суровыми зимами и нерѣдко подвержена сильнымъ вьюгамъ.

Такова, въ общихъ чертахъ, характеристика страны, извѣстной подъ именемъ Арало-Каспійской низменности, гдѣ расположены средне-азіатскія ханства и наши тамошнія владѣнія. Переходя къ частностямъ, необходимо сообщить нѣкоторыя данныя о рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ, объ Аральскомъ морѣ и о горахъ, находящихся собственно въ нашихъ предѣлахъ, такъ какъ, въ сущности, мѣста эти и составляютъ главные районы нашихъ владѣній; притомъ, Аральское море и рѣка Сыръ-Дарья имѣютъ для насъ и торговое значеніе (*).

Начнемъ съ Аральскаго моря. Первые намеки о существованіи его появляются у европейскихъ путешественниковъ не ранѣе XVI вѣка. Русскіе, впрочемъ, давно уже знали о существованіи этого моря, называя его „Синимъ“, но болѣе вѣрныя свѣдѣнія о немъ были собраны лишь въ послѣднія тридцать лѣтъ.

Аральское море, заключая въ себѣ площадь въ тысячу квадратныхъ географическихъ миль, принадлежитъ къ числу бурныхъ и безпокойныхъ. Для успѣшнаго плаванія по немъ, нужны мелкосидяція суда. Хорошихъ якорныхъ стоянокъ, закрытыхъ отъ всѣхъ вѣтровъ, почти нѣтъ. Берега представляютъ совершенную пустыню, и лѣтомъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ югозападнаго и южнаго, они вовсе необитаемы. Зимой же киргизскія кочевки встрѣчаются по сѣверному и восточному берегамъ, также на прилежащихъ къ нимъ островахъ. Сѣверный берегъ моря низменъ и песчанъ.

(*) Объ Аральскомъ морѣ и Сыръ-Дарьѣ см. статью г. Зыкова въ „Морскомъ Сборникѣ“ 1862 г., № 6.

Къ нему примыкають пески „Большіе и Малые Барсуки“. Западный берегъ очерченъ обрывомъ почти безводной плоской возвышенности „Усть-Урта“. Южный берегъ низменъ и состоитъ изъ наноснаго песку, поросшаго камышемъ. Восточный берегъ, къ которому примыкають, съвернѣе Сыръ-Дарья пески Кара-Кумъ, а южнѣе этой рѣки пески Кизиль-Кумъ, вообще низменъ, извилистъ, песчанъ и покрытъ кустарникомъ и камышемъ.

Судоходство наше на Аральскомъ морѣ началось съ 1847 года; но о нашей аральской флотиліи мы скажемъ впоследствии.

Рѣка Сыръ-Дарья беретъ начало въсколькими источниками (главнѣйшій Нарынъ) изъ сѣвговыхъ горъ Тянь-Шана (Небесныя горы), недалеко отъ озера Иссыкъ-Куль, слѣдовательно въ нашихъ предѣлахъ. Рѣка Сыръ, пройдя укрѣпленіе Нау, направляется сперва на сѣверо-западъ, а потомъ на западъ къ Аральскому морю, расходится на значительное число рукавовъ, разливовъ и иригаціонныхъ канавъ, принимая въ себя взаимнѣе этого лишь одну горную рѣчку Чирчикъ, возлѣ которой расположенъ г. Ташкентъ. Ширина, глубина и быстрота теченія различны; вообще говоря, Сыръ-Дарья течетъ въ глубокомъ и круто-береговомъ корытѣ, что, однакожъ, не мѣшаетъ мѣстами, особенно во время низшей воды, встрѣчаться мелямъ. Послѣднихъ особенно много въ Джаманъ-Дарьѣ и въ устьяхъ Сыра (*). Вода въ рѣкѣ Сыръ, отъ песчано-илистаго грунта дна, бываетъ постоянно мутна, но довольно скоро отстаивается, совершенно прѣсна и не производитъ никакого вреднаго вліянія на здоровье не только туземцевъ, но даже вновь прибывающихъ. Сыръ-Дарья, какъ и Аральское море, богато рыбою, но рыбнымъ промысломъ пока занимаются весьма мало.

Характеръ мѣстности бассейна Сыръ-Дарьи обусловливается вліяніемъ на нея водъ. Тамъ, гдѣ берега рѣки или ея рукавовъ весьма низменны, образуются постоянные разливы, заросшіе сплошь высокимъ и густымъ камышемъ, или болота. Такихъ болотъ особенно много по обоимъ берегамъ Сыра, на пространствѣ между фортомъ Перовскій и фортомъ № 2-й. Берега не очень низменные, затопляются только по време-

(*) Джаманъ-Дарьей (Дурная рѣка) называется часть рѣки Сыра отъ верховья до устья притока Кара-Узьякъ, пространство между фортомъ Перовскій и фортомъ № 2-го.

намъ и составляютъ луговые мѣста, тучно удобренныя рѣчными иломъ. Такія мѣста встрѣчаются полосами, болѣе или менѣе широкими, по обѣимъ сторонамъ Сыра и его рукавовъ. Мѣста вовсе неподверженныя наводненію образуютъ солонцоватыя степи, на которыхъ не растутъ почти ничего (голодные степи). Пашни могутъ быть какъ на луговыхъ мѣстахъ, такъ и на солонцоватыхъ степяхъ, лишь бы мѣстность была удобна для искусственнаго орошенія арыками (*). Замѣчено, что на солонцоватыхъ земляхъ хлѣбъ родится даже лучше, чѣмъ на луговыхъ.

Кромѣ описанныхъ родовъ мѣстности, по бассейну р. Сыръ встрѣчаются значительныя пространства песковъ. Главнѣйшіе изъ нихъ Кара-Кумъ и Кизиль-Кумъ. По Кара-Куму проходитъ главный торговый путь изъ Россіи и потому объ этихъ пескахъ скажемъ нѣсколько подробнѣе.

Пески Кара-Кума отъ праваго берега р. Сыра тянутся на сѣверъ до самаго почти озера Челкара, занимая, такимъ образомъ, до 250 верстъ въ длину и мѣстами достигаютъ до 200 верстъ ширины. Пространство это покрыто большею частию сыпучими и бугристыми песками, которые перемежаются солончаками. Здѣсь нѣтъ ни одной рѣчки, ни одного прѣснаго озера, и вода, годная для употребленія, добывается исключительно изъ колодцевъ и копаней, вырывааемыхъ обыкновенно въ небольшихъ котловинахъ среди бархановъ или сыпучихъ песчаныхъ бугровъ. Доступы черезъ барханы весьма затруднительны и для повозокъ почти невозможны. Тѣмъ не менѣе, караванный путь, идущій чрезъ эту степь, былъ проложенъ давно и онъ безспорно лучшій во всѣхъ отношеніяхъ для сообщенія низовья р. Сыра съ Россіею. Онъ идетъ большею частию по солонцоватымъ долинамъ и только въ немногихъ мѣстахъ захватываетъ пески; копани же встрѣчаются на каждомъ переходѣ въ довольно значительномъ числѣ.

Къ востоку отъ песковъ Кара-Кума, вплоть до озера Бахашъ, тянется широкая полоса солонцоватой степи, известной подъ именемъ „Голодной“. По ней, хотя и съ трудомъ, проходятъ караваны въ Троицкъ и Петропавловскъ.

Относительно песковъ надобно замѣтить, что несмотря на свою чрезвычайно скудную природу, они представляютъ гораздо болѣе удобствъ для кочевовъ, чѣмъ солонцоватыя степи.

(*). Арыки—иригаціонные или оросительныя каналы.

Въ пескахъ, вырывая копани, почти всегда можно найти воду, годную для употребленія; солонцоватыя же степи большею частію безводны, и если среди ихъ встрѣчается вода, то всегда на значительной глубинѣ и притомъ чрезвычайно дурнаго качества. Въ пескахъ есть даже травы, годныя для корма лошадей; солонцоватыя степи представляютъ только пастбища для верблюдовъ. Кромѣ того, пески доставляютъ своими буграми хорошее прикрытіе для лошадей и для скота отъ зимнихъ бурановъ, и по этимъ причинамъ песчаныя степи считаются здѣсь вообще мѣстами удобными для зимовокъ.

Скажемъ теперь о горныхъ мѣстностяхъ нашего туркестанскаго края. Горы эти почти вовсе не изслѣдованы и потому о нихъ пока можно говорить лишь въ общихъ чертахъ.

Главные горныя пространства залегаютъ на юго-востоки края. Самый важный хребетъ, до котораго мы здѣсь дошли—это Тянь-Шань, или Небесныя горы. Начавшись въ глубинѣ китайской имперіи, Тянь-Шань входитъ въ наши предѣлы двумя главнѣйшими хребтами. Одинъ изъ нихъ, сѣверный, обогнувъ озеро Иссык-Куль, направляется на западъ къ среднимъ частямъ Сыръ-Дарьи. Другой хребетъ, южный, взявъ направленіе на юго-западъ, идетъ на соединеніе съ другими горными системами средней Азіи, Болоромъ. Обѣ эти вѣтви Тянь-Шана образуютъ общую глубокую долину рр. Нарына и Сыръ-Дарьи. Постепенно расходясь между собою къ западу, обѣ части Тянь-Шана сами развѣтвляются и наполняютъ горами и ущельями всю долину Нарына и верхней Сыръ-Дарьи. Полагаютъ, что продолженіемъ главной оси Тянь-Шана служить свѣжный хребетъ Александровскій, раздѣляющій систему р. Сыръ-Дарьи отъ системъ рр. Чу и Таласа. Наибольшей высоты Тянь-Шань достигаетъ въ предѣлахъ китайской имперіи (21,000 футовъ); здѣсь мало горныхъ проходовъ, да и тѣ поднимаются за предѣлы вѣчнаго снѣга.

По мѣрѣ движенія на западъ, высота Тянь-Шана понижается, хотя и здѣсь мѣстами она все еще значительна. Такъ, цѣпь Александровскихъ горъ, какъ мы уже сказали, составляющихъ продолженіе главной оси Тянь-Шана, достигаетъ до 15,000 футовъ высоты (*). Какъ бы продолженіемъ Тянь-Шана служить хребетъ *Кара-тау*, идущій на сѣверо-западъ отъ Александровскаго хребта, по направленію къ форту Джу-

(*) Между верховьями р. Таласа и укрѣпленіемъ Аулиеата.

лекъ. Характеръ же южной цѣпи Тянь-Шана, проходящей на югъ отъ р. Нарына, нѣсколько иной. Полагають, что она гораздо ниже сѣвернаго хребта Тянь-Шана и не болѣе какъ соединительная вѣтвь его съ Балоромъ (*).

Параллельно Тянь-Шану, и какъ бы продолженіемъ его, на западъ отъ Болора идетъ второстепенный, хотя мѣстами и снѣжный, хребетъ *Кашгаръ-Даванъ*. Часть этого хребта служитъ южною границею нашихъ туркестанскихъ владѣній и отдѣляя отъ себя на западъ вѣтви горъ Самаркандъ-Тау и Нура-Тау, раздѣляетъ такимъ образомъ бассейнъ р. Сыра отъ долины Заровшана.

Какъ бы то ни было, но пока намъ болѣе извѣстны горные хребты, отдѣляющіе насъ отъ Кашгара или Малой Бухаріи. По собраннымъ свѣдѣніямъ, система Тянь-Шана здѣсь не можетъ служить серьезнымъ препятствіемъ для нашихъ сообщеній съ сосѣдними странами. Тутъ много ущелій, удобныхъ не только для прохода вьючныхъ каравановъ, но есть и такія, которыя весьма легко могутъ быть разработаны даже въ колесные пути. Притомъ на этихъ путяхъ не можетъ встрѣтиться недостатка ни въ кормѣ, ни въ водѣ, ни въ топливѣ. Лучшіе и кратчайшіе пути изъ Россіи чрезъ Тянь-Шанъ проходятъ мимо западной оконечности Иссыкъ-Куля.

Если справедливо, что другія горныя системы, окружающія Кашгарію съ другихъ ея сторонъ, западной и южной, столь суровы, что имѣють самое ограниченное число переваловъ, да и то самыхъ трудныхъ, то положеніе Россіи относительно Кашгаріи можетъ считаться весьма выгоднымъ, ибо, какъ мы сейчасъ сказали, наши торговые караваны не могутъ встрѣтить затрудненій въ горахъ Тянь-Шани.

Кромѣ описанныхъ горныхъ хребтовъ, заслуживають еще вниманія горы Боролдай, одинъ изъ южныхъ отроговъ Александровскаго хребта. Только-что названныя горы, а также хребетъ Кара-тау, важны по открытымъ въ нихъ богатымъ мѣсторожденіямъ каменнаго угля, свинцовыхъ и желѣзныхъ рудъ. Горные районы Туркестанской области самыя благодатныя мѣста въ здѣшней краѣ. Лѣтомъ все кочегое и значительная часть осѣдлаго населенія уходитъ въ горы и расселяется по ущельямъ ихъ далеко, въ самую глубь. Въ долинахъ

(* Свѣдѣнія о Тянь-Шанѣ нами взяты изъ рекогносцировки г. Проченки, произведенной имъ въ 1862 г.

и на возвышенныхъ плоскостяхъ вакипаетъ самая оживленная жизнь не только кочевниковъ, но и земледельцевъ. Развитію и распространенію хлѣбопашества въ горахъ способствуетъ здѣшнее многоводье. Какъ мы видѣли, и въ степныхъ мѣстахъ земли, удобной для хлѣбопашества, много, но нѣтъ воды для орошенія полей. Въ горахъ же хлѣбъ родится безъ искусственнаго орошенія земли: дождей и росы совершенно достаточно для ея увлаженія, слѣдовательно и для хорошаго урожая. А такъ какъ въ горахъ земли удобной подъ хлѣбопашество много, то оно и развито здѣсь болѣе другихъ промысловъ.

III.

этнографическія свѣдѣнія о краѣ.

Выше было замѣчено, что Средней Азіей послѣдовательно владѣли персы, греки, арабы и монголы. Въ настоящее время, отъ всѣхъ этихъ народовъ, кромѣ аборигеновъ страны, таджиковъ или сартовъ, находятся здѣсь въ значительномъ числѣ только монголо-тюркскія племена; арабовъ же и персовъ весьма немного.

Въ теперешнемъ своемъ составѣ жители Средней Азіи, въ этнографическомъ отношеніи, дѣлятся на слѣдующія группы:

1) *Таджики* или *сарты*. Считаются отраслью древнихъ персовъ, зашедшихъ сюда еще задолго до похода Кира. Въ Ташкентѣ и въ Хивинскомъ ханствѣ они говорятъ теперь джатайскимъ нарѣчіемъ тюркскаго языка и называются *сартами*; въ задарьинскомъ же краѣ (*), равно какъ въ Бухарскомъ и Хивинскомъ ханствахъ, сохранили еще нарѣчіе персидскаго языка. На городскихъ базарахъ задарьинскаго края можно встрѣтить иногда мало извѣстныхъ горныхъ таджиковъ, которыхъ здѣсь называютъ разными именами (мача, галча и др.).

Таджики, или сарты, въ строгомъ смыслѣ, одни составляютъ осѣдлое населеніе края (**).

2) *Монголо-тюркскія* племена образовались изъ обломковъ чингисхановыхъ полчищъ. Они почти всѣ кочевники. Кочевое населеніе Средней Азіи раздѣляется на поколѣнія, роды, отдѣленія и аулы. Родовыя отношенія среди тюркскихъ народовъ играютъ въ общественной ихъ жизни весьма важную роль,

(*) Пространство земли по южную или лѣвую сторону Сыръ-Дарьи, отъ Ходжента до Бухары включительно.

(**) О таджикахъ см. подробно статью г. Южакова, „Отечественныя Записки“ 1867 г., июль, нн. 2-я.

но такія отношенія должнымъ образомъ еще не изучены и не разобраны; вслѣдствіе этого, часто роды смѣшиваются съ поколѣніями и проч., отчего по необходимости приходится отказываться отъ подробностей и ограничиваться указаніемъ только крупныхъ подраздѣленій кочевниковъ, и то въ общихъ чертахъ. Эти подраздѣленія слѣдующія:

а) *Узбеки*, покоривъ Среднюю Азію, поселились въ городахъ; но часть ихъ кочуетъ, и часть живетъ осѣдло. Тамъ, гдѣ сарты живутъ вмѣстѣ съ узбеками, первые занимаютъ центръ городовъ или селеній, а послѣдніе держатся предмѣстій или окраинъ поселеній, чтобы удобнѣе было откочевывать лѣтомъ. Разница между сартами и узбеками заключается въ томъ, что первые чрезвычайно изысканны въ обращеніи, до крайности хитры, трусливы и проникнуты духомъ мелкаго торгашества, что дѣлаетъ ихъ весьма похожими на евреевъ. Узбеки, напротивъ, храбры, грубы и честны. Они составляютъ господствующее племя въ Средней Азіи, хотя не вездѣ числительностью превосходятъ сартовъ. Всѣ почти ханы, беки и другія высшія должностныя лица узбекскаго происхожденія.

б) *Туркмены* живутъ между р. Аму и Каспійскимъ моремъ. Въ сущности они ни отъ кого не зависятъ и ни чьей власти надъ собою не признаютъ. У нихъ нѣтъ ни правителей, ни подданныхъ, есть только аульные старшины. Туркмены нѣсколько разъ просили Россію о подданствѣ, но просьбы ихъ не были уважены, потому что исходили только отъ нѣкоторыхъ туркменскихъ старшинъ, которыхъ туркменскій народъ вовсе не уполномочивалъ на такую просьбу, и которые, въ сущности, хлопотали только ради своихъ личныхъ выгодъ. Между отдѣльными родами, на которые дѣлятся туркмены, постоянная борьба, и никакой связи не существуетъ. Современемъ, когда намъ удастся устроить свои факторіи на берегу Каспійскаго моря, туркмены неизбѣжно сдѣлаются нашими подданными.

Уводъ въ плѣнъ персіянъ въ настоящее время составляетъ спеціальнѣйшій промыселъ туркменовъ. Земледѣліемъ занимаются немногіе. Всѣхъ туркменовъ считается до 600,000 человекъ.

в) *Бара-калмаки* въ XVIII вѣкѣ кочевали въ низовьяхъ Сыръ-Дарьи, но были отсюда вытѣснены киргизами и теперь кочуютъ въ сѣверныхъ частяхъ Хивинскаго и Бухарскаго ханствъ.

Незначительная часть ихъ подчинена намъ. Кара-калпаки бѣдны, имѣютъ мало скота и занимаются земледѣліемъ.

г) *Киргизз-кайсаки* или *казаки*. Раздѣляются на Малую, Среднюю и Большую орды. Первые двѣ подчинены намъ съ тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, а послѣдняя только съ 1846 г. Кочуютъ въ степяхъ Оренбургскаго, Сибирскаго и Туркестанскаго военныхъ округовъ. Въ послѣднемъ округѣ киргизз-кайсаковъ насчитываютъ до 580,000 душъ. Это, по преимуществу, киргизы Большой и Малой орды, о чьихъ будетъ сказано ниже.

д) *Кара-Киргизы*, или *дика-каменные* (кипчаки), кочуютъ въ Коканскомъ ханствѣ и въ нѣкихъ владѣніяхъ, около озера Иссыкъ-Куль и по верховьямъ р. Чу. Въ наше подданство начали переходить въ послѣднее десятилѣтіе.

е) *Курамяны*, или *курамы*. Курамою зовется вся мѣстность на югъ отъ р. Чирчикъ и до Ходжента и на западъ до Сыръ-Дарьи. На этой-то мѣстности, по днѣмъ р. Ангрена, и живутъ курамяны (*). Населеніе это, какъ предполагаютъ, составилось лѣтъ сто тому назадъ изъ кочевыхъ киргизовъ всѣхъ трехъ ордъ. Находясь въ крайней бѣдности и не имѣя средствъ кочевать, они стали селиться близъ сартовъ въ *курахъ* (загороди) и занимаются по возможности хлѣбопашествомъ.

ж) *Арабы* кочуютъ въ сѣверной части Бухарскаго ханства, около Самарканда. Ихъ немного. Говорятъ испорченнымъ арабскимъ языкомъ.

з) *Персы* большею частью плѣнные. Составляютъ постоянныя войска въ ханствахъ.

и) *Евреи* живутъ въ городахъ, занимаются мелкою торговлею; въ страшномъ загонѣ у туземцовъ.

к) *Индійцы*—здѣшніе ростовщики и банкиры.

л) *Бывшые русскіе* служатъ въ ханскихъ войскахъ, пользуются большимъ почетомъ и уваженіемъ.

Итакъ, жители по образу занятій могутъ быть раздѣлены на *осёдлыхъ*, *полуосёдлыхъ* и *кочевыхъ*. Первые живутъ въ городахъ и селеніяхъ и занимаются садоводствомъ, ремеслами и торговлею; послѣдніе вочуютъ въ кибиткахъ, соединяющихся въ аулы, и занимаются не только скотоводствомъ, но въ значительной степени также хлѣбопашествомъ.

Между городами и селеніями здѣсь нѣтъ опредѣленнаго различія въ экономическомъ смыслѣ, потому что занятія жителей

(*) См. „Русскій Инвалидъ“ 1868 г., № 112.

и тѣхъ и другихъ однѣ и тѣ же; почти во всѣхъ осѣдлыхъ пунктахъ, за исключеніемъ самыхъ незначительныхъ, или *кышлаковъ*, есть базары.

Какъ мы видѣли, осѣдлое населеніе края составляютъ, въ строгомъ смыслѣ, таджики или сарты. Курама и узбеки хотя и живутъ также въ городахъ и селеніяхъ, но иногда переселяются въ кибитки или юрты; затѣмъ киргизъ-казаки, кара-киргизы, кара-калпаки и арабы живутъ постоянно въ кибиткахъ.

Общее число жителей въ Средней Азіи считается около 6 милліоновъ. Изъ этого числа въ нашемъ Туркестанскомъ военномъ округѣ около милліона туземнаго населенія и только до 50,000 русскихъ (*).

Нужно замѣтить, что свѣдѣнія о числѣ жителей въ Средней Азіи вообще гадательны: мусульмане не допускаютъ ни личныхъ податей, ни поименной переписи; остается одно: по числу дворовъ или кибитокъ судить о цифрѣ населенія. Но замѣчено, что туземцы скорѣе прибавляютъ, чѣмъ убавляютъ число дворовъ: такъ въ Ташкентѣ, по ихъ показанію, было до 30,000 дворовъ, теперь же оказывается, что всего не болѣе 8,000 дворовъ (**).

Самыми населенными мѣстами въ Средней Азіи считаютъ окрестности Ташкента, Кокана, Номангана, Анджана, Бухары и Самарканды, словомъ, верховье р. Сыра и плодородная до-

(*) А именно: сартовъ	200,000
узбековъ	75,000
киргизъ-казаковъ	580,000
кара-киргизовъ	140,000
кара-калпаковъ	5,000
	<hr/>
	1,000,000

русскихъ (войска, казачьи поселенія, торговцы и проч.) 50,000. (Изъ лекціи профессора Макшеева).

(**) Кстати, приведемъ здѣсь весьма любопытныя данныя, собранныя на мѣстѣ профессоромъ Макшеевымъ о числѣ селеній, дворовъ и кибитокъ, находящихся въ Туркестанскомъ военномъ округѣ. Всѣхъ селеній считается 401, въ нихъ:

1) *Дворовъ*: у сартовъ 39,200, у кураминцовъ—3,280, у узбековъ—15,230. а всего 57,710.

2) *Кибитокъ*: у киргизовъ: Малой орды—41,375, Средней орды—19,079, Большой орды 51,823; у кара-киргизовъ—28,103 и кара-калпаковъ—570, а всего 140,950. Следовательно, всѣхъ семействъ можно считать до 200,000, что и составитъ около милліона жителей, считая по 5 душъ на каждое семейство.

Чисто-русскихъ поселеній пока немного; сюда могутъ быть отнесены, кромѣ *сыръ-дарьинскихъ* и бывшихъ *сибирскихъ степныхъ укрѣпленій*, еще укрѣпленіе *Новый-Чиназъ*, на р. Сыръ, русскій Ташкентъ и нѣсколько слободъ Семирѣчинскаго казачьяго войска, поселеннаго въ Семирѣчинской области, составляющей часть Туркестанскаго военнаго округа.

лина Заровшана. Всѣ поселенія расположены подлѣ горъ, въ долинахъ рѣкъ и рѣчекъ, и въ нашемъ туркестанскомъ краѣ тянутся неширокою полосою отъ сѣвера къ югу, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ углубляясь на востокъ по горнымъ долинамъ. На западъ же отъ этой полосы идетъ голая и мертвая степь.

IV.

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КРАЯ И ПУТЕЙ СООБЩЕНІЯ.

Изъ разбора свойствъ страны не трудно было видѣть, до чего она разнообразна и какъ велико ихъ вліяніе на образъ жизни ея обывателей.

Мы уже замѣтили, что осѣдлое населеніе болѣе всего группируется по берегамъ рѣкъ и въ горныхъ мѣстахъ, словомъ тамъ, гдѣ есть вода; тамъ же, гдѣ ея недостаточно, встрѣчаются одни кочевники. Но кромѣ осѣдлыхъ и кочевниковъ, здѣсь встрѣчается и третья группа людей—полуосѣдлыхъ и полукочевыхъ. Эти послѣдніе часть года живутъ осѣдло, а въ остальное время кочуютъ, не выходя изъ предѣловъ тѣхъ плодородныхъ оазисовъ, на которыхъ они издавна поселились.

Осѣдые занимаются по преимуществу земледѣліемъ. Сѣютъ пшеницу озимую, ячмень, просо, джагоръ (родъ проса для корма скота); рисовые же посѣвы не велики, хотя урожаи ихъ превосходны. Хлѣба вездѣ достааетъ не только на потребности мѣстныхъ жителей, но онъ идетъ на продажу кочевникамъ, а въ послѣднее время и для русскихъ войскъ.

Естественныхъ луговъ почти нѣтъ и потому здѣсь заведено травосѣяніе. Обиліе плодовъ даетъ возможность сушить ихъ и отправлять для продажи въ Россію. Съ приходомъ же русскихъ, здѣсь начали выдѣлывать довольно сносное вино изъ мѣстнаго винограда. Тутовыя деревья въ Бухарѣ и въ Коканѣ разводятся въ большомъ количествѣ; но мѣстныя издѣлія изъ шелку вообще плохи (*). Разводятся также табакъ и цитварное сѣмя (**). Здѣшній хлопокъ хотя и хуже американскаго, но опыты надъ разведеніемъ этого послѣдняго удались преносно.

Древесная растительность встрѣчается лишь около поселенныхъ мѣстъ въ видѣ садовъ. Лѣса же имѣются только въ го-

(*) Московскій купецъ Хлудовъ завелъ здѣсь обширную шаровую шелковую фабрику.

(**) Партія цитварнаго сѣмени куплена была Хлудовымъ въ 1867 году на 400,000 руб. сер.

рахъ, и то не вездѣ, отчего лѣсъ вообще дорогъ; большая часть здѣшнихъ построекъ глиняная, а на топливо идетъ саксаулъ (1).

Горное дѣло почти не существуетъ; но минеральныхъ богатствъ довольно въ краѣ. При устьѣ Чирчика найдены признаки золота (2). Въ 1867 году на полупути между Чемкентомъ и Аулиеата открыты мѣсторожденія каменнаго угля въ горахъ Каратау. Онъ есть и въ другихъ мѣстахъ, какъ мы уже замѣтили, и, по причинѣ дороговизны топлива, это весьма важно, ибо недостатокъ въ топливѣ начинаетъ чувствоваться даже для нашей немногочисленной Аральской флотиліи.

Около г. Намангана, въ Коканскомъ ханствѣ, найдено много нефтяныхъ ключей. Нефть, въ случаѣ успѣшной разработки, можетъ, кромѣ освѣщенія, быть хорошимъ матеріаломъ и для топлива (3).

Фабричной промышленности въ краѣ не существуетъ; ее пока замѣняютъ ремесла.

Скотоводство особенно развито у кочевыхъ народовъ. Рогатый скотъ преимущественно разводится у киргизовъ Большой Орды, кочующихъ въ Туркестанскомъ округѣ, тогда какъ его почти нѣтъ у киргизовъ Малой Орды оренбургскаго вѣдомства.

Бараны составляютъ главное богатство кочевниковъ.

Здѣшніе верблюды преимущественно двугорбые—истинное благодѣяніе для края и единственное средство для перекочевокъ и передвиженій въ степи. Иногда ихъ запрягаютъ даже въ экипажи (4).

Между мѣстными лошадьми три главнѣйшія породы: киргизская степная лошадь, аргамаки и карбайры (смѣсь первыхъ двухъ).

Лошади Средней Азіи, по горячности своего темперамента, по своей понятливости и легкости, весьма пригодны для верховой ѣзды, но для упряжи почти не годятся. Для перевозки тяжести ихъ употребляютъ только въ крайности.

(1) Древесное растеніе до того смолистое и корчеватое, что его съ трудомъ можно рубить даже топоромъ.

(2) По разсказамъ киргизовъ, золото есть и по другимъ рѣчкамъ, каковы: Машатъ, Аксу, Бадамъ, Сайрамъ и др.

(3) Въ Ташкентѣ явились русскіе промышленники, испрашивающіе у Кокана ервенду на добычаніе нефти.

(4) Въ нашей литературѣ нѣтъ специальныхъ сочиненій объ употребленіи верблюдовъ въ разныхъ случаяхъ, особенно въ военное время, тогда какъ это было бы весьма нелишнимъ.

Вотъ что, между прочимъ, пишетъ г. Зиновьевъ о здѣшнихъ лошадяхъ:

„Аргамаки, чаще всего встрѣчающіеся, имѣютъ весьма оригинальную наружность и обладаютъ даже особеннаго рода красотой, къ которой, конечно, нѣсколько надо привыкнуть. Они всѣ роста выше средняго и даже большаго: аргамакъ рѣдко бываетъ трехъ, а большею частью четырехъ и даже пяти вершковъ. У него прекрасная спина; хребетъ и крупъ прямые какъ стрѣла, высоко поставленный хвостъ, высокая длинная и тонкая шея (которая кажется еще тоньше и длиннѣе у нѣкоторыхъ аргамаковъ, оттого что здѣсь существуетъ особая мода выстригать конямъ плотно гриву), довольно большая, иногда прямая, но большею частію горбатая голова, узкая, грудь, тонкія ноги и длинныя бабки. Само собой разумѣется, что лошади эти не годятся для упряжи. При приготовленіи къ походу, нѣкоторыя батареи, не ремонтировавшіяся лошадыми по нѣскольку лѣтъ, купили по нуждѣ туземныхъ коней. Лошади эти въ самомъ скоромъ времени показали полную свою несостоятельность: онѣ постоянно затыгивались, несмотря на тщательную пригонку оголовковъ, обжигали себѣ плеча и кончали обыкновенно тѣмъ, что чрезъ два-три перехода переставали ѣсть кормъ.

„Карбаиры встрѣчаются гораздо рѣже нежели аргамаки. Они весьма высоко цѣнятся, какъ весьма сильныя и выносливыя лошади, чего нельзя сказать о длинноногихъ и узкогрудыхъ аргамакахъ. Каждый желающій здѣсь похвастаться своею лошадыю непременно увѣряетъ, что она настоящій карбаиръ. Это обстоятельство, вслѣдствіе котораго огромное количество лошадей, не имѣющихъ ничего общаго съ карбаирами, выдаются за карбаировъ.

„Замѣчательно, что наши казаки, которымъ нельзя отказать въ знаніи практической иппологіи, относятся чрезвычайно неблагосклонно къ азіятскимъ конямъ, въ особенности къ аргамакамъ. Они положительно убѣждены, что ихъ кормленныя лошаденки, въ особенности на дальней дистанціи, обскачутъ любого аргамака, несмотря на замѣчательную легкость послѣдняго. Послѣ каждой осады и полевого сраженія, въ казачьи руки попадалось множество коней, принадлежавшихъ иногда бекамъ, слѣдовательно лучшихъ, какихъ только можно достать въ Туркестанской области; но казакъ, если ему приходится от-

дѣлаться отъ одной изъ лошадей, никакъ не продать своего строеваго коня.

„Надобно впрочемъ замѣтить, что азійскія лошади, а въ особенности аргамаки, весьма нѣжны, и поѣтому, а также по своей горячности, чрезвычайно легко простужаются. Наши арабщики, арбы которыхъ запряжены были также аргамаками, постоянно, даже лѣтомъ, держали ихъ на коновязяхъ подъ понами, а въ холодныя ночи, кромѣ того, накрывали войлоками и коврами—неудобство весьма важное для боеваго коня. Но что составляетъ безусловную, безпорную красоту коней Средней Азіи—это ихъ несравненныя масти. Всѣ они ярко-золотистаго цвѣта. Эффектъ, производимый на глазъ такую необыкновенною мастью, поразителенъ“ (*).

Средняя Азія можетъ отпускать въ Россію хлопковъ и аптекарскіе товары и произведенія скотоводства: шерсть, кожи, ковры и войлоки.

Съ своей стороны, Средняя Азія нуждается въ металахъ и нѣкоторыхъ фабричныхъ произведеніяхъ, отпускъ которыхъ изъ Россіи и служитъ основаніемъ нашей здѣшней торговли (**).

Нашими главными торговыми центрами въ Средней Азіи считаются города: въ китайскихъ владѣніяхъ—Аксу, Яркендъ и Кашгаръ; въ ханствахъ, въ Бухарскомъ — Бухара, въ Коканскомъ—г. Коканъ и нашъ Ташкентъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Ташкентъ, расположенный въ 50 верстахъ отъ судоходной

(*) „Русскій Вѣстникъ“ 1868 г., № 4, стр. 344.

(**) За послѣднія пять лѣтъ, среднимъ числомъ, товаровъ изъ Россіи было вывезено:

1) Въ киргизскія степи . . .	на 2,000,000 руб. сер.
2) — Бухару	— 3,000,000 — —
	на 5,000,000 руб. сер.

Ввезено въ Россію:

1) Изъ степи (шерсть и проч.)	на 5,000,000 руб. сер.
2) — Бухары (хлопка) . . .	— 4,000,000 — —
	на 9,000,000 руб. сер.

Поднять вопросъ о снятіи таможи на всемъ пространствѣ, прилегающемъ къ соседнимъ средне-азійскимъ владѣніямъ. Переходъ отъ стѣсненія торговыхъ оборотовъ таможеню къ совершенно свободной торговлѣ, нигдѣ, быть можетъ, не легокъ такъ, какъ въ разсматриваемомъ краѣ. Здѣсь въ соображенія промышленныя не могутъ входить финансовыя расчеты, ибо здѣсь таможенный доходъ далеко не покроетъ расхода. Торговое развитіе сопредѣльныхъ странъ ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть опасно для нашей отечественной промышленности: какъ ни мало развита эта часть у насъ, однако сосѣди наши и отъ насъ далеко еще отстаютъ. Слѣдовательно, о конкуренціи не можетъ быть и рѣчи.

Сырѣ-Дарьи и на весьма плодородной мѣстности, притомъ, соединенный удобными сообщениями со всѣми окружающими землями, не замедлитъ приобрести весьма важное, а можетъ быть и первенствующее значеніе, въ торговомъ отношеніи.

Главный отпускъ нашихъ товаровъ въ Среднюю Азію заключается въ бумажныхъ, льняныхъ, шерстяныхъ и въ различныхъ металлическихъ издѣліяхъ. Въ послѣднее время юоть, сахаръ и чай начали составлять также довольно значительную статью отпуска. Нужно впрочемъ замѣтить, что чай, составляющій здѣсь необходимую потребность бѣдныхъ и богатыхъ, привозился прямо изъ Китая, до возстанія его западныхъ провинцій; со времени же инсурекии этихъ провинцій, чай сталъ привозится черезъ Индію и Бухару. Въ 1867 году въ Ташкентѣ явились русскіе хятинскіе чайные торговцы и стали хлопотать о завладѣніи чайною торговлею въ Средней Азіи. Но, конечно, съ усмиреніемъ западныхъ провинцій Китая, чай пойдетъ прежнимъ торговымъ путемъ.

Кромѣ того Средняя Азія торгуетъ съ Персіею, черезъ Герать, кофеемъ.

Первенствующее значеніе въ торговлѣ Средней Азіи все же принадлежитъ Россіи.

Для нашихъ товаровъ Средняя Азія надолго, если не навсегда, останется естественнымъ и выгоднымъ рынкомъ, потому что успѣхъ средне-азіатской торговли заключается главнымъ образомъ въ безопасности торговыхъ сношеній. Въ этомъ же отношеніи, пути, идущіе на сѣверъ, т. е. въ Россію, совершенно обезпечены, тогда какъ дороги, ведущія на югъ, т. е. въ Индію, подвержены частымъ нападеніямъ дикихъ кочевниковъ. Вотъ первое ручательство, что намъ, пока, нечего бояться конкуренціи англичанъ. Но есть и другія причины, парализующія эту конкуренцію: русскіе фабриканты больше англичанъ и другихъ народовъ знакомы съ народами Средней Азіи и потому умѣютъ лучше другихъ угодить на вкусъ туземныхъ потребителей. Благодаря этому обстоятельству, русскіе товары всюду проникли въ Среднюю Азію и, несмотря на сравнительную добротность авглійскаго товара, средне-азіаты все-таки предпочитаютъ русскія издѣлія. Всему этому не мало также способствуетъ давность сношеній Россіи съ Среднею Азіею, а извѣстно, что жители востока по преимуществу склонны держаться старины.

Мы сказали, что торговые пути, ведущіе изъ Россіи въ Среднюю Азію, совершенно безопасны. Разсмотримъ вкратцѣ эти пути.

Главный, первенствующій и почти единственный торговый путь изъ Россіи въ средне-азиатскія ханства идетъ изъ Оренбурга на Орскъ, потомъ черезъ Киргизскую степь на укрѣпленія Карабутакское, Уральское и фортъ № 1-й (Казаал), на рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ. Отсюда пути направляются прямо въ Хиву, Бухару и на Ташкентъ. Послѣдняя дорога идетъ вдоль Сыръ-Дарьи на фортъ № 2-й (Кармакчи), фортъ Перовскій, Джулекъ, потомъ далѣе черезъ г. Туркестанъ (Азретъ) и Чимкентъ—въ Ташкентъ. Путь этотъ хотя и неудобенъ въ томъ отношеніи, что мѣстами пролегаетъ по безводнымъ пескамъ Кара-Кума, но по географическому своему положенію онъ главнѣйшій, какъ ближайшій къ Россіи. Такъ какъ на немъ, кромѣ торговыхъ каравановъ, приходится часто ѣздить и служащимъ, то будетъ нелишнимъ сообщить о немъ нѣкоторыя подробности.

Съ Орска, небольшого и дурно выстроеннаго мѣстечка, начинается Киргизская степь и иная ѣзда чѣмъ русскія почты. По дорогѣ, вмѣсто станцій, выстроены глиняныя темныя и смрадныя мазанки, или киргизскія юрты, въ которыхъ полное отсутствіе всякихъ удобствъ. Равьше Казаалы (фортъ № 1-й) нечего и думать объ отдыхѣ и о какихъ-либо покупкахъ, ибо Карабутакъ и Уральское укрѣпленія не что иное, какъ бѣдныя и ничтожныя степныя поселенія. Самый трудный путь лежитъ между Уральскимъ укрѣпленіемъ и Казаалой, по кара-кумскимъ степямъ. На разстояніи почти 200 верстъ дорога идетъ по безотрадной пустынѣ, лишенной всякой растительности, всякаго слѣда жизни. Вырытые колодцы—съ северною солонцоватою водою. Движеніе производится на верблюдахъ. И на остальномъ пути немногимъ лучше.

Въ послѣднее время хотя и устроено здѣсь болѣе правильное сообщеніе, но оно далеко еще несовершенно. Почта ходитъ только три раза въ мѣсяцъ, то на лошадяхъ, то на верблюдахъ, то на волахъ. Проѣзжающій долженъ имѣть непременно собственный прочно-сдѣланный экипажъ, потому что чинить его негдѣ; телѣги на станціяхъ если и есть, то до крайности неисправны. Ямщики—киргизы, степныя лошади вовсе не приучены къ ѣздѣ и при малѣйшей оплошности можно

рисковать даже жизнью, ибо полудикие лошади, пугающіяся стука экипажа, зачастую принимаются нести и бить. Одна изъ главныхъ задержекъ на станціяхъ, продолжающихся по нѣсколько часовъ сряду, происходитъ оттого, что лошадей для почтовой гоньбы на станціяхъ не держатъ, а каждый разъ доводятъ ихъ въ табунахъ, пасущихся нерѣдко на далекомъ разстояніи отъ станціи (1). Самый Ташкентъ сообщается съ Бухарою колесною дорогою черезъ Ходжентъ, Ура-Тюпе и далѣе отъ Самарканда долиною р. Заровшана; дорога эта вообще удобна и проходитъ по довольно населеннымъ мѣстамъ, обильнымъ водою и кормомъ, чѣмъ въ особенности отличается богатая долина р. Заровшана. Съ Коканомъ Ташкентъ сообщается тоже колесной дорогою.

Кромѣ вышеописаннаго пути, изъ Россіи въ Ташкентъ, проходятъ еще дороги изъ Семипалатинска на укрѣпленіе Вѣрное, Аулиеата и Чемкентъ. Дорога эта хотя болѣе кружная, но гораздо удобнѣе той, которая проходитъ черезъ Киргизскую степь. По ней преимущественно идетъ изъ Россіи, черезъ Омскъ, въ Туркестанскій округъ вся частная корреспонденція, тогда какъ изъ Ташкента даже частныя письма посылаются прямо на Оренбургъ степнымъ трактомъ (2).

Итакъ, почтовое сообщеніе Ташкента съ Россіею устроено чрезъ Киргизскую степь на Орскъ (3) и чрезъ укрѣпленіе Вѣрное, Семипалатинскъ на Омскъ (4). Кромѣ того существуетъ еще почтовая ѣзда между Ташкентомъ и Ходжентомъ, Ура-Тюпе, Дивахомъ и Новымъ-Чиназомъ.

Опытъ удачнаго устройства сообщений между Вѣрнымъ и Семипалатинскомъ даетъ право надѣяться, что и во всемъ Туркестанскомъ краѣ и въ Киргизскихъ степяхъ онѣ будутъ приведены въ надлежащій порядокъ.

Сверхъ почтоваго сообщенія по Сыръ-Дарьѣ, отъ Казалы до Цоваго-Чиназа, на протяженіи 1,640 верстъ, ходятъ пароходы Аральской флотиліи: „Перовскій“ и „Араль“ въ 40 силъ каждый, „Сыръ-Дарья“ въ 20 силъ, барказъ „Обручевъ“, и въ

(1) Желających ознакомиться со всеми неудобствами степныхъ перевозовъ отсылаемъ въ сочиненію г. Татаринова: „Семимѣсячный пѣвнъ въ Бухаріи“, и въ статьѣ г. Терентьева, помѣщенной въ „Русскомъ Инвалидѣ“ 1868 года, № 47.

(2) См. „Русскій Инвалидъ“ 1868 г., № 119, статья г. Терентьева.

(3) Отъ Ташкента, чрезъ Казалу, до Орска считается по маршруту 1,675 верстъ.

(4) Отъ Ташкента, чрезъ Вѣрное, до Омска—2,475 верстъ.

нынѣшнемъ году долженъ быть еще спущенъ на воду новый пароходъ въ 70 силъ.

Пароходство по Сыръ-Дарьѣ чрезвычайно затрудняется недостаткомъ топлива и мелководьемъ извилистой Джаманъ-Дарьи. Запасъ саксаула до того истощился, что его едва хватитъ еще на одну навигацію. Недавнее открытіе каменнаго угля даетъ право надѣяться, что скоро въ саксаулѣ не будетъ надобности. Противъ мелководья же единственное средство расчистить русла. Развитие пароходства на Сыръ-Дарьѣ необходимо, и для этого не жаль будетъ сдѣлать нѣкоторыя затраты.

Вообще же говоря, въ описываемомъ краѣ удобныхъ дорогъ до крайности мало и мѣстные жители большею частью передвигаются или верхомъ, или въ двухконныхъ первобытныхъ арбахъ.

V.

РЕЛИГИОЗНОЕ И УМСТВЕННОЕ РАЗВИТІЕ МѢСТНАГО НАСЕЛЕНІЯ.

Умственное образованіе въ Средней Азій тѣсно связано съ религіей. Въ этомъ отношеніи, народы осѣдлые, т. е. сарты, рѣзко отличаются отъ кочевниковъ.

Первые чрезвычайно религіозны; духовенство ихъ пользуется большимъ вліяніемъ и при содѣйствіи его вездѣ существуетъ много школъ, отчего грамотность здѣсь въ высшей степени развита. Неграмотные встрѣчаются какъ рѣдкое исключеніе. Въ каждомъ селеніи непремѣнно есть мечеть и школа. Изъ школъ въ особенности обращаютъ на себя вниманіе, такъ называемыя, медресе, высшія учебныя заведенія, вѣчто въ родѣ семинарій. Они устраиваются и содержатся иждивеніемъ богатыхъ людей: купцовъ, хановъ, бековъ.

Обыкновенно медресе помѣщаются въ большихъ зданіяхъ, посреди которыхъ нерѣдко бьютъ фонтаны—непремѣнная принадлежность такихъ зданій, аудиторіи и бібліотеки. Учащіеся живутъ въ самомъ зданіи, въ отдѣльныхъ покояхъ по два и по три вмѣстѣ, и имѣютъ свое отдѣльное хозяйство.

Преподаваніе въ медресе ведется однимъ профессоромъ; читаются исключительно богословскія науки; объ общихъ же знаніяхъ нѣтъ и помину. Такъ, напримѣръ, вмѣсто географіи преподается негѣпѣйшая космографія. Несмотря на то, времени на ученіе тратится весьма много. Самые способные ученики едва въ двѣнадцать лѣтъ оканчиваютъ курсъ. Нерѣдко

между ними можно встрѣтить совершеннѣйшихъ стариковъ. Медресе, далеко не развивая ума своихъ учениковъ, способствуютъ лишь выработкѣ въ нихъ религіознаго фанатизма и то по формѣ, а не по духу.

Относительно кочевыхъ народовъ можно сказать, что религіозныя понятія ихъ крайне ограничены. Признавая вѣру въ единого Бога, они вовсе не держатся никакихъ религіозныхъ обрядовъ: мечетей, духовенства и школъ у нихъ не существуетъ. Но при всемъ томъ они свободнѣе въ своемъ міросозерцаніи и потому, по мнѣнію г. Макшеева, кочевникамъ будетъ легче чѣмъ осѣдлымъ сартамъ перейти къ европейской культурѣ.

Изъ всего до сихъ поръ сказаннаго о жителяхъ Средней Азии нельзя не прійти къ заключенію, что сарты составляютъ интеллигенцію здѣшняго края. Дѣйствительно, вся торговля, вся ремесленность и отчасти земледѣліе у нихъ въ рукахъ; въ то же время они успѣли создать свою цивилизацію, свое образованіе, на сколько то было возможно рядомъ съ мусульманствомъ. Казалось бы, что кочевники должны быть въ полной зависимости отъ сартовъ. На самомъ же дѣлѣ это совсемъ не такъ. Владычествуютъ въ краѣ по большей части кочевники, и сарты находятся въ полной отъ нихъ политической зависимости. Принимая первенствующее значеніе въ общественномъ управленіи, сарты почти никогда не участвуютъ въ государственномъ управленіи страной. Всѣ важнѣйшія мѣста въ ханствахъ принадлежатъ большею частью узбекамъ или кипчакамъ, словомъ кочевникамъ. Ни въ Бухарѣ, ни въ Коканѣ не было ни одного хана изъ сартовъ. Всѣ ханы здѣсь были узбекскаго происхожденія.

„Но—говоритъ г. Южаковъ—когда вступишь въ сартовъ, взглядишь въ ихъ характеръ, въ ихъ бытъ, тогда становится уже не странно, а естественна эта пассивная роль сартовъ въ политической жизни средне-азиатскихъ владѣній. Сарты — народъ скупой до скряжничества, алчный къ деньгамъ, трусливый, мелочной, лишенный духа предприимчивости; наковецъ, онъ боится всякой новизны, держится старинныхъ преданій и замкнуть въ сферѣ обычаевъ и образа жизни, издавна укоренившихся, освященныхъ ихъ религіей. Такой народъ, или такое племя, и не можетъ имѣть самостоятельной политической жизни. Его жизнь прочно установилась; твердо опредѣлились

отношенія какъ въ семьѣ, такъ и въ обществѣ; сложился взглядъ на жизнь общества и семьи, такъ что далѣе идти народъ не можетъ: нуженъ сильный толчекъ, сильное вліяніе, чтобы распатать, раздвинуть или ослабить этотъ остовъ, эту рамку общественной жизни, несвязанную и скрѣпленную религіей. Правовѣрный мыслить такъ, какъ повелѣваетъ его законъ; вслѣдствіе этого въ Средней Азіи, у сартовъ страшное ханжество, и они впали въ умственный застой, замкнулись въ сферѣ указанныхъ имъ вѣрваній, представленій и обрядности, и такъ крѣпко заснули подъ этой религіозной пеленой, что ихъ могутъ разбудить только колокольный звонъ при громѣ пушекъ, или свистъ локомотива: — къ остальному отъ міра сего они будутъ глухи и нѣмы“ (*).

Если при этомъ мы обратимъ вниманіе на характеръ сартовъ, выработавшійся ихъ тысячелѣтной жизнью подъ климатическими и историческими условіями, подъ подавляющимъ вліяніемъ религіи, намъ понятно будетъ, и безъ полнаго знакомства съ ихъ исторіей, почему сарты не могли усвоить себѣ самостоятельной политической жизни.

VI.

ОЦЕРКЪ ПОЛИТИЧЕСКАГО УСТРОЙСТВА СРЕДНЕ-АЗІЯТСКИХЪ ХАНСТВЪ.

Переходя къ политическому и общественному устройству средне-азіатскихъ ханствъ, прежде всего слѣдуетъ сказать, что власть узбековъ, здѣшнихъ покорителей, сложилась въ формѣ удѣльной системы, вслѣдствіе чего образовалось нѣсколько отдѣльныхъ государствъ подъ главенствомъ бухарскаго эмира. Но главенство и власть эмира были лишь номинальны: подчиненные ему вассалы бунтовали и выходили изъ-подъ его власти, когда хотѣли, ничѣмъ почти не рискуя. Такимъ путемъ, между прочимъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія образовались силою обстоятельствъ Хивинское и Коканское ханства, развившіяся впослѣдствіи до степени равной съ Бухарою.

Однакожь и въ настоящее время ханство Бухарское имѣетъ первостепенное значеніе, какъ по своему географическому положенію, такъ и по числу жителей, по торговлѣ и по своему религіозному вліянію.

Бухарскія владѣнія, занимая центральное положеніе, относительно остальныхъ двухъ ханствъ, долгое время были при-

(*). См. статью г. Южакова: „Отечественныя Записки“ 1867 г., июль, кн. 2-я.

крыты этии странами отъ нашего непосредственнаго вліяніи. Осѣдлое населеніе ханства занимаетъ плодородныя земли по берегамъ Заровшана и Аму-Дарьи, гдѣ считается до 600 кв. миль обработанныхъ полей. Число жителей Бухаріи простирается до 2,500,000.

Въ торговомъ и ученомъ (если можно допустить ученость въ Азій) отношеніи, Бухаріи въ Средней Азій принадлежитъ первое мѣсто; этимъ она обязана, впрочемъ, не географическому положенію, но исторической своей судьбѣ и предприимчивому и меркантильному духу своего народа. Въ Бухарѣ послѣдовательнѣе и впервые водворился извѣстный родъ порядка, т. е. создались возможность съ успѣхомъ заниматься торговлею; успѣху этого дѣла много способствовало долгое царствованіе покойнаго эмира Насеръ-Улла-Багадуръ-хана, новарный и хитрый характеръ котораго доставилъ ему въ Азій славу умнаго, даже великаго правителя. Наслѣдникъ его, нынѣшній эмиръ Музафферъ-ханъ далеко уступаетъ по способностямъ своему отцу и вѣроятно личныя его недостатки много будутъ способствовать ослабленію значенія Бухары. Вообще же говоря, исторія Бухары какъ и другихъ ханствъ, за послѣдніе годы мало извѣстна; между прочимъ, было бы весьма любопытно узнать характеръ нынѣшняго эмира, съ которымъ сила обстоятельствъ поставила насъ лицомъ къ лицу. Въ статьѣ г. Зиновьева вотъ что сказано о характерѣ настоящаго правителя Бухаріи:

„Нынѣшній эмиръ бухарскій, султанъ Сеидъ-Музафферъ-ханъ (*), одинъ изъ младшихъ сыновей эмира Насеръ-Улла-Багадуръ-хана, былъ отчего-то особенно нелюбимъ отцомъ своимъ, почему и жилъ постоянно въ Кермени (одномъ изъ маленькихъ городовъ Бухаріи) въ отдаленіи отъ двора.

„Красивый собой, отважный и преслѣдуемый въ то же время ненавистью отца, эмира жестокаго и ненавидимаго подданными, Музафферъ-ханъ собралъ вокругъ себя значительную партію недовольныхъ и когда отецъ его умеръ, безъ особыхъ препятствій завладѣлъ престоломъ, убивъ предварительно, какъ это здѣсь водится, всѣхъ своихъ братьевъ.

„Сдѣлавшись эмиромъ, Музафферъ-ханъ тотчасъ же началъ слѣдовать—и донинѣ слѣдуетъ неуклонно и во всемъ—примѣру своего отца, да, вѣроятно, и всѣхъ своихъ предшественниковъ. Кроважадный, разаратный, и неумолимый эгоистъ, онъ съ

(*) Въ настоящее время ему около 40 лѣтъ.

отвратительнымъ цинизмомъ пользуется властію, исключительно для удовлетворенія низкихъ и животныхъ страстей своихъ; на жизнь и на имущество подданныхъ смотритъ не иначе какъ на собственность, неотъемлемо ему лично принадлежащую. Глубокій невѣжда и дикій изувѣръ, онъ въ собственномъ обогащеніи видитъ все искусство правителя, а въ грабежѣ сосѣдей свою славу. Объ исполненіи какого бы то ни было долга или обязанности не имѣетъ ни малѣйшаго понятія, будучи увѣренъ, что особа, столь высоко поставленная и столь могущественная, какъ эмиръ бухарскій, не можетъ быть связана никакими обязанностями и обязательствами. Еще менѣе доступны его пониманію правила чести, какъ мы ихъ разумѣемъ. Обманъ самый наглый служитъ основаніемъ его политики, и грубая сила замѣняетъ чувства справедливости и весь нравственный кодексъ.

„Одаренный такими качествами, Музафферъ-ханъ вообразилъ себя назначеннымъ судьбой для восстановленія древняго царства Тамерлана, во всемъ его блескѣ. Рассказываютъ, будто онъ видѣлъ во снѣ, что ему суждено восстановить Казанское и Астраханское царства подъ своимъ скипетромъ.

„Въ начавшихся безконечныхъ войнахъ съ сосѣдами Музафферъ-ханъ оставался почти всегда побѣдителемъ. Слава о его военныхъ подвигахъ разнеслась по всей Средней Азии и еще болѣе прежняго укрѣпила въ немъ самую дерзкую самоувѣренность и наглую надменность“ (*).

Послѣ такой характеристики становится понятнымъ, почему съ такимъ человѣкомъ, какъ эмиръ, было бы напрасно рассчитывать на успѣхъ дипломатическихъ переговоровъ и на возможность заключенія формальнаго мира. Кромѣ пустыхъ обещаній и хитрыхъ уловокъ, отъ эмира другаго ожидать нечего, что онъ и доказалъ своимъ вѣроломнымъ поступкомъ съ генераломъ Черняевымъ и посланными въ Бухару нашими офицерами.

Въ административномъ отношеніи, нынѣшнее Бухарское ханство хотя и дѣлится на области, но постоянныхъ областей не существуетъ. Управитель (бекъ) города управляетъ и окрестною страню. Изъ городовъ Бухаріи замѣчательны: Чорджуи и Керки на р. Аму; Бухара, Самаркандъ, Кермень, Карши и

(*). См. „Русскій Вѣстникъ“ 1868 г., № 3, стр. 142—144.

Шахри-Сябсъ. Послѣдній съ своимъ округомъ, благодаря гористому мѣстоположенію области, почти независимъ отъ Бухаріи.

Хивинское ханство, какъ мы сказали, возникло только въ нынѣшнемъ столѣтіи и стало одерживать верхъ надъ Бухарою. Хивинцы, укрѣпившись на Сыръ-Дарьѣ, собирали пошлину съ русскихъ каравановъ до тѣхъ поръ, пока мы, заложивъ въ 1847 г. первое русское укрѣпленіе на Сыръ-Дарьѣ, не положили конецъ этимъ сборамъ. Около того же времени возникшія въ Хивѣ внутреннія смуты значительно ослабили это ханство. Осѣдлое населеніе хивинскаго ханства преимущественно сгруппировано на двухъ главнѣйшихъ оазисахъ; въ низовьяхъ р. Аму-Дарьи и на верховьяхъ р. Мурабахъ (Мервъ-теке съ городомъ Мервъ), съ городами: Хива, Ургенчъ, Кунградъ, Мервъ и другими. Кромѣ того, на земляхъ Хивы кочуютъ большею частію независимые туркмены. Хивинскихъ подданныхъ считается до 500,000 жителей. Воздѣланныхъ полей полагаютъ въ этомъ ханствѣ только 150 квадратныхъ миль.

Коканскому ханству было положено основаніе въ концѣ прошлаго столѣтія. Нѣкто Нарбутъ, удачно воевавшій съ Китаемъ и Бухарою, успѣлъ присоединить къ своимъ владѣніямъ отъ послѣдней почти весь засыръ-дарьинскій край (*). Преемники его, принявъ титулъ хановъ, завладѣли Ташкентомъ, Туркестаномъ, основали крѣпость Акмечеть и въ короткое время распространили свою власть на сѣверѣ до заилійскаго края и заняли горныя страны на югъ отъ Ходжента. Бухарскіе эмиры находили, что такое усиленіе Кокана для Бухары невыгодно, и вотъ почему между ханствами еще при прежнемъ эмирѣ Бухары, Улла-Багадурѣ, началась борьба, не приведшая впрочемъ ни къ какимъ результатамъ. Въ это же время начались внутреннія смуты въ коканскомъ ханствѣ.

Въ настоящее время значительная часть коканскихъ владѣній перешли въ наши руки, что, между прочимъ, дало намъ возможность совершенно изолировать Коканъ отъ Бухары.

Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ коканскія владѣнія сосредоточиваются въ долинѣ р. Нарына, или верхней Сыръ-Дарьи, съ городами Коканъ, Намонганъ, Андижанъ, Унгъ и проч. Жителей въ ханствѣ считается около 1,750,000, на пространствѣ 1,200 квадратныхъ миль.

(*) Земля, лежащая по южную или лѣвую сторону р. Сыръ-Дарьи, гдѣ наши города: Ходжентъ, Ура-Тюпе, Джизакъ (Двакъ) и др.

Кромѣ описанныхъ ханствъ, въ гористой мѣстности верховій Аму-Дарья существуетъ нѣсколько отдѣльныхъ владѣній, постоянно между собою враждующихъ. Хищничество и грабежи здѣсь до того часты, что мѣстность эту справедливо считаютъ настоящимъ гнѣздомъ разбоевъ (*).

Политическій и общественный строй совершенно однообразенъ во всѣхъ странахъ Средней Азіи. Ханъ есть полновластный властелинъ и ничѣмъ неограниченный деспотъ—еократъ. Онъ располагаетъ жизнію, совѣстью и имуществомъ своихъ подданныхъ; государственныя должности раздаются не по заслугамъ, а по усмотрѣнію хана и его любимцевъ. Беки—управители области—дѣйствуютъ нерѣдко самоуправно и зачастую вступаютъ въ открытую борьбу съ своими ханами.

Судъ находится въ рукахъ духовенства, рѣшающаго дѣла по шаріату и адату (**).

Каждый городъ имѣетъ свое отдѣльное управление, во главѣ котораго, послѣ хана или бека, стоитъ *кази*, высшее духовное лицо и судья. Если онъ ловокъ и уменъ, то сила и значеніе его весьма велики, чему доказательствомъ можетъ служить *кази-килянъ* ташкентскій (***) . Но хотя даровитые личности встрѣчаются здѣсь рѣдко, тѣмъ не менѣе *кази* играютъ значительную роль сравнительно съ другими должностными лицами въ общественномъ управленіи. Какъ судьи, *кази* не пользуются популярностью, ибо, въ строгомъ смыслѣ, они не судятъ и не разбираютъ дѣла, а только подводятъ ихъ подъ статьи шаріата; за то, какъ представители и блюстители закона, *кази* пользуются огромнымъ почетомъ. Судъ всегда производится гласно, скоро и при открытыхъ дверяхъ.

Изъ другихъ общественныхъ должностей слѣдуютъ: 1) *аксакалы*, *райсы*, *курбаши*, обязанности которыхъ чисто полицейскія; одни изъ нихъ наблюдаютъ за порядкомъ днемъ, другіе ночью и 2) *саркеръ*, лицо отъ правительства: на него возло-

(*) Сюда относятся: 1) *Авганскій Туркестанъ* съ гор. Бадахшаномъ, Гиссаромъ, Кувдузомъ, Хумузомъ, Акче и проч. и 2) *Болористанъ*—страна на ю.-в. и с.-в. отъ Бодакшана. Все это принадлежитъ теперь, какъ кажется, Авганистану.

(**) *Шаріатъ*—церковные мусульманскіе законы, основанные на алкоранѣ; *адаты*—обычай, или изустные законы, сохраняемые въ памяти народной, самыми народомъ устанавливаемые и имъ же отиѣняемые.

(***) *Кази-килянъ*—значить старшій *кази* изъ хаджей. *Киланы* есть во многихъ городахъ Средней Азіи.

жены сборы различныхъ податей. Въ помощь ему назначаютъ ся дуанъ-беги и мирзы (писаря).

Саркерь лицо весьма важное, ибо въ его вѣдѣніи состоитъ сборъ *хираджи*—главнѣйшая подать казнѣ съ земледѣлія (1). Статья этого дохода предоставляется въ распоряженіе беку, съ обязательствомъ содержать гарнизоны крѣпостей и въ случаѣ войны выставять возможно-большее число полевыхъ войскъ. Мѣста саркероу весьма доходны; они назначаются беками изъ людей вполне имъ преданнымъ.

Кромѣ хираджа и танапа, сбороу съ продуктоу земледѣлія, въ средне-азіятскихъ ханствахъ существуетъ еще *закета*, сборъ со скота, товаровъ и капиталовъ, словоу съ движимаго имущества (2). Нечего говорить, что, при полномъ производѣ средне-азіятскихъ властителей, кромѣ названныхъ податей существуютъ и другіе весьма отяготительные поборы съ жителей.

Регулярныхъ войскъ средне-азіятскіе народы не имѣютъ, кромѣ незначительныхъ отрядовъ *сарбазовъ* (3), содержимыхъ постоянно Коканомъ и Бухарой. Арміи ихъ состоятъ изъ плохо вооруженныхъ и вовсе недисциплинированныхъ сборищъ, преимущественно конныхъ, выставляемыхъ въ поле во время самой войны.

Нерѣдко цѣлыя массы вооружены одиѣми палками (4); артилерія до крайности плоха, неудобоподвижна, малочисленна и въ крѣпостяхъ небольшого калибра. Лучшею и храбрѣйшею арміею считались войска бухарцевъ. Рядъ нашихъ побѣдъ по-

(1) Собственно хираджемъ называется сборъ отъ $\frac{1}{8}$ до $\frac{1}{5}$ съ земель, орошаемыхъ арыками (подпроводами). У кого свои арыки, тотъ ничего не платитъ. Но это не вездѣ, и по закону послѣдніе обложены танапнымъ сборомъ (танапъ= $\frac{1}{6}$ десятины). Съ полей безъ искусственнаго орошенія собирается $\frac{1}{6}$ часть урожая. Съ земель же, орошаемыхъ арыками, взимается большій процентъ, потому что арыки считаются принадлежностью казны и какъ бы отданы въ пользованіе населенію. Поземельная подать въ нашихъ средне-азіятскихъ владѣніяхъ обавлена до $\frac{1}{10}$ части съ урожая.

(2) По мусульманскому закону, со 100 верблюдоу взимается одинъ, съ 40—101 барановъ—тоже одинъ.

Съ торговыхъ капиталовъ налогъ собирается разъ въ годъ, хотя бы купецъ успѣлъ обернуть свой капиталъ и нѣсколько разъ. Размѣръ этой подати равняется $\frac{1}{10}$ части. Съ иновѣрныхъ купцовъ берутъ вдвое.

Съ нашихъ иргязовъ вѣсто закета собирается хибточная подать.

(3) Обученныхъ и вооруженныхъ сарбазовъ немного: всего по одному баталіону въ ханствѣ; набираются они преимущественно изъ павъныхъ персіянъ, индѣйцевъ и бѣглыхъ русскихъ.

(4) См. сочиненіе г. Татарникова, „Павъ въ Бухаріи“ 1867 г.

называютъ до какой степени мнѣніе это было справедливо. Въ настоящее время почти вся полевая артилерія кованцевъ и бухарцевъ находится въ нашихъ рукахъ (*). Не имѣя никакого понятія о военномъ дѣлѣ, среднеазіятскія войска, даже при громадной многочисленности, безсильны въ полевыхъ дѣлахъ при встрѣчѣ съ регулярными войсками. Исторія нашихъ завоеваній въ Средней Азіи полна фактами, доказывающими, что войскамъ нашимъ нетрудно было справляться съ непріателемъ, въ 20 разъ превосходившимъ насъ своею численностью.

Рядъ же удачныхъ штурмовъ, доставившихъ въ наши руки десятки укрѣпленныхъ городовъ, показываетъ, что и за толстыми и часто неприступными стѣнами азіятцы драться не умѣютъ. Здѣшнія крѣпости выстроены безъ всякихъ правилъ и обыкновенно состоятъ изъ нѣсколькихъ рядовъ толстыхъ глиняныхъ валовъ, съ неизбѣжною цитаделью, или „урдою“, какъ ихъ здѣсь называютъ. Не имѣя понятія о пользованьи мѣстностью для боя, они и въ крѣпостяхъ защищаются только за главными валами, оставляя безъ всякаго вниманія предмѣстья городовъ, глиняныя постройки и кривыя улицы которыхъ могли бы представить неодолимую преграду для осаждающаго. Питая же какой-то суевѣрный страхъ къ военнымъ дѣйствіямъ ночью, они даютъ полную возможность вблизи крѣпостей закладывать брешь-батареи на какомъ угодно разстояніи.

Таково, въ общихъ чертахъ, современное состояніе среднеазіятскихъ ханствъ. По всей вѣроятности, они такими были многіи сотни лѣтъ назадъ; но и для нихъ, кажется, наступаетъ новое время. Съ сѣвера и юга къ нимъ безостановочно приближаются русскіе и англичане, и нѣтъ сомнѣнія, что европейская цивилизація не замедлитъ внести въ эти мертвыя, темныя царства свои живительныя и благотворныя начала.

*

(*) Въ одномъ 1866 году нами было взято различныхъ 129 орудій. (См. соч. г. Романовскаго. „Вѣдомости“, № 86.)

(Окончаніе будетъ.)